

Russian Academy of Sciences
275 Years at Russia's Service

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
275 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ РОССИИ

Moscow
«Janus-K»
1999

Москва
«Янус-К»
1999

СТАНОВЛЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ВЛАСТИ

М. Д. Гордин

В историко-научных исследованиях принято предполагать, что планы Петра Великого по организации Академии наук в строящемся Санкт-Петербурге были неотъемлемой частью его практических идей использования технологии и науки в государственных целях. Несмотря на большое количество современных исследований по истории других европейских академий — Итальянских академий XVI — XVII вв., Лондонского Королевского общества и Королевской академии наук в Париже — это общепринятое предположение никогда специально не обсуждалось. Императорская академия наук в Санкт-Петербурге почти не связывается с анализом роли академической науки в национальном контексте. Изучение статуса Императорской академии в российской культуре, фокусируется на истории Академии после ее открытия в 1725 г. императрицей Екатериной I, женой Петра Великого, царя, основавшего Российскую академию и умершего ранее в том же году. С тех пор исследовательские работы в этой области посвящены в основном развитию академической науки в XVIII веке, процессу рекрутирования ученых для Академии из-за границы, а также вопросам финансирования Академии в трудные ранние годы ее существования и процессу ее русификации после 1750-х гг.

Данная статья содержит анализ обычно упускаемого из виду важного вопроса о начале Академии и задачах, которые власть ставила при ее создании. Если, как нередко полагают, Академия была основана в сугубо практических целях, то, почему цари поощряли исследование таких «спекулятивных» тем, как фокусы планетарных орбит? Почему бюрократия не продолжала просто полагаться на технических консультантов, регулярно приглашавшихся из-за границы без организации их в Академию? Я утверждаю, что ответы на эти и другие вопросы могут быть найдены, если посмотреть на иные культурные преимущества, которые могли быть извлечены из Академии.

© перевод О. А. Вальковой, 1999.

© М. Д. Гордин, 1999.

Вместе с проектом Академии Петр Великий не только заимствовал политически полезное образовательное учреждение, он также сознательно импортировал специфический рафинированный этикет изящных манер, которые характеризовали западную натурфилософию XVIII века. Это мероприятие являлось частью широкой программы по основанию новых социальных классов посредством образовательной стратификации и изменению стиля поведения этих классов путем культурных реформ. Понимание Академии как составной части этих двух сторон петровского царствования в дополнение к стандартным расчетам расширяет наше понимание связей между петровской дворцовой жизнью и научной политикой Петра Великого.

Идеалы и учреждения: Лейбниц и Петр Великий

Петр Великий разработал план создания Санкт-Петербургской академии наук на основе идей, почерпнутых им из различных источников, в том числе из документов Лондонского Королевского общества (которое он посетил в 1698 г.) и Академии наук в Париже (посетил в 1717 г.). Несмотря на утверждение некоторых историков о том, что именно одно из этих двух учреждений послужило доминантной моделью для Академии, по нашему мнению, наиболее значительное влияние на этот проект оказал Готфрид Вильгельм Лейбниц, знаменитый германский натурфилософ, и основанная им Берлинская академия наук. Мы имеем в виду не только прямую связь, существовавшую с тех пор, как Лейбниц вступил в переписку с Петром и другими ведущими фигурами российского двора и продолжавшуюся в течение почти двадцати лет, но и окончательный вариант формулировки текста проекта Императорской академии. Процесс ее создания и то обстоятельство, что она пробивала себе путь с большим трудом, все это удивительно напоминает Берлинскую академию Лейбница и его видение глобальной системы академий. Хотя несомненно важно установить происхождение образца, послужившего моделью Санкт-Петербургской академии, будет ошибкой сосредоточиваться в поисках этого образца исключительно на ее институциональных предшественниках. Вместо этого после рассмотрения соотношения Петербургской академии со всеми тремя ее доминантными моделями (Лондонской, Парижской и Берлинской), исследователь должен задать вопрос: почему именно эти модели привлекли внимание Петра. Существовали структурные ограничения в отношении типа академии, которую Петр мог основать в условиях России, но мы уверены, что помимо этого Петр хотел укоренить в России практический тип натурфилософа: тип, так ярко воплощенный именно в Лейбнице.

Хотя данный тезис упоминает о структурных ограничениях, с которыми столкнулся Петр, мы должны обратить внимание прежде всего на доступные ему модели и на причины того, почему Петр не закончил копирование многих характеристик Берлинской академии.

Некоторые историки делают в этой связи вывод о том, что Петр Великий основывал свою академию по образцу Английского Королевского общества, которое он посетил во время своего Великого Посольства 1697—1698 гг., за полных двадцать лет до его встречи с Лейбницем. Хотя справедливо утверждение Валентина Босса о том, что многие техники — навигаторы, кораблестроители и др., приглашенные Петром в Россию, приехали из Англии благодаря связи между российским ученым Яковом Брюсом и англичанином Джоном Колсоном, в отличие от академиков, очень немногие из которых появились таким образом, тем не менее остается фактом, что большинство приехавших в Россию в 1720-е гг. академиков происходили из германских государств. Проверка данных, о петровском визите в Англию не дает доказательств того, что Петр на самом деле посетил собрание Королевского общества. Не вызывает сомнения факт посещения им музея общества. Возможно, именно оно подало ему идею основать собственный персональный музей, Кунсткамеру, которая со временем стала принадлежать Императорской академии. Но, к несчастью, влияние английской модели не распространилось далее этого. Как показали многие исследования Королевского общества, громадную роль в основании и функционировании этого учреждения сыграло его самосознание как свободного сообщества джентльменов. В России еще не было подобного образованного гражданского общества. Заимствование английской модели должно было бы предполагать, что Россия имела тип джентльмена-натурфилософа или, что Петр хотел принести в Россию именно этот тип. Если бы он мог основать в России Королевское общество, он не нуждался бы в строительстве Императорской академии. Не требует доказательств тот факт, что Академия воплощала в себе функциональный тип светского поведения; однако Россия нуждалась в кодификации принципов поведения ученых и такой кодификации не могло заменить простое указание на требовавшиеся от них технические функции.

Гораздо лучшее доказательство можно привести по поводу генезиса Императорской академии от Парижской академии наук. Петр посетил Парижскую академию в 1717 г., сразу после смерти Лейбница. И в 1721 г., как раз перед тем как он в серьез начал работать над планами своей собственной Академии, его избрали членом Академии «в обход всех рангов», — привилегия никогда раньше не распространявшаяся на монархов. Академия (Academie), была более подходящей моделью для российского контекста, чем Королевское общество: тип академии, которой распоряжается могущественный монарх, такой, как Людовик XIV, должен был соответствовать имперским притязаниям Петра. Но Петр посетил Парижскую академию через полвека после ее основания и уже после смерти Людовика XIV, в то время, когда Академия имела уже совсем другие отношения с монархией.

Третьей основной моделью и наиболее удачливым кандидатом для заимствования в условиях российской действительности была Берлинская академия наук, модель Лейбница. Это учреждение имело преимущество, будучи одновременно подходящим для российского контекста и поддержанным самим Лейбницем. Лейбниц был искушен в умении добиваться расположения могущественных патронов. Если в конце концов, я хочу доказать, что для Петра Великого Лейбниц служил образцом поведенческой модели, ожидаемой от натурфилософа, я должен буду продемонстрировать, что Лейбниц был (или хотя бы казался) хорошо воспитанным придворным и не принадлежал как, например, Исаак Ньютон к числу людей с бесцеремонным и тяжелым темпераментом. К счастью, несколько историков уже сделали замечательную работу по демонстрации именно этого. После получения юридической степени, Лейбниц путешествовал к нескольким королевским дворам и в итоге остановился на Ганноверском дворе, продемонстрировав выдающееся мастерство в продвижении самого себя как доверенного лица, способного ответить на любые вопросы, заданные его патроном. Частично такое поведение являлось проявлением стратегии Лейбница, призванной помочь его продвижению при дворе, но одновременно оно было элементом его веры в то, что, поскольку философы не обладают властью государственных деятелей, в их интересах выступать в роли советников государственных деятелей, которые в свою очередь заинтересованы в том, чтобы принимать советы философов, сочетая власть слова и философские идеалы. Это была профессиональная тактика, привязанная к предвидению возникновения необходимости в философях в государстве эпохи барокко. Используя имидж натурфилософа для успеха своей тактики, Лейбниц не пренебрегал также традиционными придворными способами, в том числе писал Петру хвалебные стихи и подготавливал специальные игрушки для развлечения царя.

Петр Великий со многих точек зрения был для Лейбница идеальным патроном. Лейбниц годами искал «просвещенного» покровителя, который одновременно был бы могуществен и интересовался натурфилософией. Хорошо известный как друг ученых, Петр был самодержавным правителем страны, которая в скором будущем должна была стать могущественнейшим государством Европы: факт, который стал особенно отчетливо понятен Лейбницу после победы Петра в 1709 г. над шведским королем Карлом XII под Полтавой. Лейбниц предпринял неудачную попытку войти в контакт с Петром еще в 1697 г., когда последний проезжал через Германию во время Великого Посольства. В октябре 1711 г. он сумел встретиться с Петром в Торгау во время свадьбы царского сына. Переписка между ними началась в 1712 г., после того как они увиделись вновь в Карлсбаде и

Петр назначил Лейбница советником, предоставив ему ежегодное жалование, вплоть до смерти Лейбница.

Лейбниц пытался претворить в жизнь идею глобального сообщества научных академий, которое занималось бы согласованными исследованиями, что частично являлось реакцией на разобщенность научных обществ той эпохи. Многочисленные ученики Лейбница отмечали, что он хотел воплотить свой натурфилософский идеал монады в виде сочетания светской власти и научного знания; совершенным государственным деятелем, по его мнению, должен был стать король-философ, который внутренне являлся бы философом и был закрыт, как монада, и одновременно внешне проявлял бы активность и открытость. Российский случай казался Лейбницу частным подтверждением этого идеала монады, который мог бы быть воплощен и в государстве, и в академии. Кроме того, имея одного из наиболее подпадающих влиянию Лейбница монархов, Россия простиралась от Арктики до южных степей и сквозь всю Азию. Такой широкий климатический диапазон означал наличие потенциала для обширных научных открытий, многие из которых и были со временем реализованы в ранних географических экспедициях Императорской академии. Более того, Россия соединяла Азию и Европу и могла обеспечить постоянную сухопутную связь для передачи сведений с Востока на Запад, передачу знаний и материалов от лейбницевских иезуитских связей на Востоке европейским академиям. И, наконец, Россия была землей, нетронутой философией (так во всяком случае думал Лейбниц), и потому она могла бы быстро ассимилировать его философскую доктрину. Как писал Лейбниц в письме из Ганновера в период Великого Посольства: «Я собирался написать Вам, что с тех пор как Царь захотел дебарбаризировать (*debarbarize*) свою страну, он найдет здесь *tabulam gasam* как новую землю и своего рода целину, поскольку московиты еще не знали наук». Влияние на Петра теоретической программы Лейбница отражало все эти элементы. Окончательная версия проекта Императорской академии включала отделения для гуманитарных дисциплин и искусств (ремесел), характерная черта, присутствовавшая только в Берлинской академии Лейбница. Идея включения образовательного учреждения в структуру Академии также принадлежит Лейбницу. Даже со стипендиатами, рекрутированными для петровского проекта, входили в контакт через ученика Лейбница Христиана Вольфа. (Однако существовали и достойные внимания различия, вызванные отсутствием в России достаточного количества читающей публики, неразвитостью контактов с западноевропейским интеллектуальным слоем и суровыми условиями жизни. Петр Великий не имел таких философских претензий, как Фридрих Великий, и его контроль за проектом Академии был гораздо строже и не

допускал близкой дружбы между академиками и потенциально недовольными аристократами.)

Не только Петр был идеальным патроном для Лейбница, но и Лейбниц был таким, каким, по мнению Петра, должен быть натурфилософ. Он был обходительным, образованным и, главное, заинтересованным в развитии неиспользованного потенциала России. По крайней мере, так казалось Петру. Лейбниц специально приспособивал свои предложения для первой встречи с Петром к тому, что царь хотел услышать (например, о реформе российского образования и о развитии навигации. Если Петр хотел основать академическую инфраструктуру в России для того, чтобы производить поколения практически полезных натурфилософов, то образцом философа такого типа, который он хотел бы создать, был именно Лейбниц. Один эпизод показывает восприятие Петром Лейбница. Во время одной из встреч, Петр выразил недовольство частичным параличом в руке, который мешал ему в некоторых простых механических действиях, таких, как стрельба из пистолета. Лейбниц быстро сделал простое деревянное приспособление, которое восстановило подвижность царской руки [1]. Это было практично, изысканно и философски — все «в одном флаконе». Некоторые историки взаимоотношений Лейбница и Петра пытаются приписать привязанность Петра к Лейбницу петровской германофилии, происходящей из того, что в юности его воспитание оказалось предоставлено иностранцам, жившим неподалеку от Москвы [2].

Хотя это безусловный факт, личные особенности Лейбница были гораздо важнее для петровского культурного проекта Академии, что и проявилось в очевидном одобрении Петром лейбницевских предложений, сделанных в весьма корректной форме.

Впрочем, можно быть уверенным в том, что Лейбниц действительно хотел от Петра патронажа и достижения своих целей для сообщества академий. С другой стороны, Петр хотел от Лейбница практических советов по навигации, а также по созданию и структуре Академии наук. Обе стороны вели переговоры в соответствии с дворцовыми протоколами, к чему каждая была приучена, но это не значит, что они не пришли через это видение ни к чему конструктивному. Этикет не является самоцелью, он означает ориентацию на специфические цели в дворцовой культуре Европы на раннем этапе Нового времени. Лейбницевское взаимодействие с Петром должно быть понимаемо и с этой стороны.

Тем не менее в подходе Лейбница была определенная ограниченность, которую впоследствии русские критиковали. Петр Пекарский, писавший в середине XIX века, чувствовал, что хотя предложения и проекты Лейбница (такие, как магнитный, магнетических измерений, система мер, географический и Академия) могли оказать и

оказали помощь науке, они, без сомнения, не являлись средством распространения Просвещения. Они были скорее специализированными играми, предназначенными для развлечения небольшого слоя элиты. Русские люди не были просвещены с помощью планов Лейбница [3]. В заключении данной статьи я вернусь к этому спорному результату «российского Просвещения» и потенциального статуса Петра как фигуры просветителя. Безотносительно к тому, как окончился этот заманчивый академический проект, я хочу подчеркнуть, что Петр никогда и не намеревался «просвещать» российских людей; проекты Лейбница отражали только то, что хотел видеть Петр, не больше и не меньше. Академия должна была служить примером элите, а не массам, и Петр сконструировал ее соответственно. Петр не мог просто взять какую-либо из упомянутых моделей и трансплантировать ее в российскую душу без модификации. Существует слишком много особенностей российского случая, о которых Петр был прекрасно осведомлен. Прежде чем Россия могла бы создавать своих собственных Лейбницев, должна была быть проведена некая трансформация одновременно и структуры, и функций Академии, и эта трансформация отчетливо видна в структуре окончательного петровского проекта Академии, законченного перед самой его смертью.

Проект Академии как проявление петровского стиля

Императорская академия наук и искусств была крупным предприятием. На момент основания она состояла из 84 человек: 17 академиком, одновременно бывших профессорами, 1 адъюнкта, 1 мастера астрономических инструментов, 1 французского специалиста по риторике, 11 студентов, 7 граверов, 2 иллюстраторов, 6 переводчиков, 3 помощников библиотекаря (при академическом библиотекаре, которым стал известный впоследствии Шумахер), 7 печатников, 8 студентов и гимназистов, по различным специальностям, 10 человек в административной Канцелярии и 10 человек обслуживающего персонала [4]. Для того чтобы понять значение всех этих индивидуумов предыдущие историки Академии предпринимали трудоемкие исследования академической политической структуры, анализируя, как власть перетекала официально через иерархические бюрократические структуры учреждения [5]. Но эти исследования не касались теоретической структуры Академии, которая вытекала из петровского замысла, а не из случайностей, которые обнаружились во время работы Академии после его смерти. У нас есть прямой доступ к замыслу Петра, поскольку 22 января 1724 года он подписал документ, известный как «Проект», который служил вместо устава вплоть до 1747 г. Этот «Проект» очерчивает цели Академии и роль, которую она предположительно должна была играть в российском обществе. Несколько аспектов этого «Проекта» на первый взгляд кажутся не вполне

уместными, однако культурная интерпретация роли Академии разрешает многие из этих неловкостей. «Проект» не был административным документом — он представлял собой культурный манифест.

С самого начала Петр знал, что ему придется импортировать если не структуру, то хотя бы академиком. В XVII веке отец Петра, Алексей Михайлович, вывез с Запада группу врачей и основал Аптечный приказ, структура которого была почти идентичной структуре других департаментов его правительства. Импортирование ученых в течение длительного времени было основой образовательной политики русских царей, так что не было ничего необычного в повторении этого опыта в случае Академии. Заимствование *структуры* было нововведением. Но как показал на французском примере Давид Люкс, попытки перейти от частного патронажа к академии под покровительством монарха оказывались ненадежными, и без адекватно работающих соответствующих протоколов, как административных, так и этикетных, Императорскую академию могла постичь та же судьба, что и Естественно-научную академию в Кане.

Петровский «Проект» не описывает ясно структуру Академии — факт, вызвавший много жалоб со стороны академиком в их взаимоотношениях с государством [6]. Структура Академии не просто была неопределенной, но, по моему мнению, была обдуманно оставлена без разъяснений. Петр не хотел чрезмерно формализовать иерархию. Одна из целей, стоявших перед Академией заключалась в том, чтобы показать населению, каким образом диспуты могут решаться дружески среди равных. Более важным, чем создание коллегияльного равноправия, однако, было сохранение связи между императорским двором и Академией: все лица, которые должны были занять верхние уровни академической иерархии, были тщательно отобраны официальными представителями двора [7]. Предполагалось, что после их прибытия на место, они станут использовать свои уже установленные контакты с натурфилософами на Западе, чтобы рекрутировать академиком так же, как настоящие члены были рекрутированы последователем Лейбница Христианом Вольфом [8].

Кроме проблем с персоналом, в «Проект» включено следующее уже вполне формальное утверждение: Академия должна служить образцом для остальной страны [9]. Как вскоре будет видно, эта концепция государственного учреждения как образца была чрезвычайно важным тропом в российской дворцовой культуре. Но у Академии была и другая генеральная функция. Предполагалось, что она также будет поддерживать корреспонденцию с иностранными учеными: особенность, на которой настаивал Лейбниц. Фактически секретарь, чья работа состояла в поддержании международных контактов, в течение всего XVIII века был всегда иностранцем, даже после того как значительная часть академиком стала представлена русскими [10].

Международные контакты были одной стороной, но кроме этого всегда предполагалось, что Академия сохраняет непосредственную связь с царем. «Проект» явно ставил в виде отдельного условия, что академики будут всегда служить царю, разъясняя ему ход и результаты своих исследований, какие только будут выполнены. Петр не просил приглашать себя в качестве зрителя на уже проверенные эксперименты, как делал Людовик XIV во Франции. Он объявил себя частью процесса по выработке знаний. Впрочем, Петр чувствовал, что к подобной форме поведения Россия не была готова — во всяком случае, пока. Только некоторые «просвещенные» русские, такие, как он сам, могли участвовать в этом процессе, и это было только потому, что он «понимал» особенности связи Академии с властью. Замысел заключался в том, что Академия станет сохранять эту связь вплоть до момента, когда сможет поддерживать себя сама.

В «Проекте» заложено два пути, идя по которым Академия могла в конечном счете достичь такой самоподдерживающей роли. Первый заключался в реформе образования: Академия должна была стать острием реструктуризации целостной системы по целому ряду уже намеченных Европой направлений. Второй предполагал интеграцию Академии в петровскую реформу поведенческого стиля, с помощью постепенного внедрения в сознание русских того, что означает принадлежать к образованному обществу. К этим двум путям петровской реформы мы соответственно сейчас и обратимся.

Создавая класс: реформы образования

Петр Великий известен в истории России успешной войной со Швецией, лишением наследника династических прав, установлением своей абсолютной власти; но более всего его запомнили как инициатора серии реформ, которые изменили практически все элементы традиционной российской жизни. В результате петровские реформы стали критерием для горячих дебатов о позиции России в отношении «Запада», и оценка Петра постоянно связывается с взглядами на «Россию» в целом [11]. Идея создания Академии была всего лишь одной из этих реформ и одной из наименее значащих, если посмотреть как мало влияния она оказала на жизнь большинства русских. Русские, как-то затронутые влиянием Академии, принадлежали к аристократической элите, и в этом не было ничего странного: Академия являлась вершиной образовательных реформ, целью которых было создание нового класса российской элиты. Взгляд на Академию как на неотъемлемую часть этих реформ поможет определить ту роль, которую Академия должна была сыграть в создании «публики».

Для того чтобы увидеть Академию в роли вершины петровских образовательных реформ, призванных переделать российскую служебную элиту в соответствии с западными взглядами и знаниями,

должны вернуться к Великому Посольству 1697—1698 гг. До этого путешествия основным способом заимствования технических знаний в России была посылка русских студентов за границу [12]. Но после посещения Голландии, Англии и различных немецких государств с целью приглашения в Россию технических специалистов, Петр оставил там некоего Петра Постникова для изучения британской образовательной системы в надежде внедрения ее в России, что свело бы на нет необходимость в зарубежных образовательных поездках. Постников завербовал двоих учащихся Математической школы больницы Христа в Лондоне для создания аналогичной школы в Москве, Московской навигацкой школы, которая должна была продемонстрировать русским новый стиль технического образования [13]. Московская школа была не только первой средней школой в России, призванной обучать «современной» математике, но и работала как производитель большого количества гражданских служащих, военных и бюрократов для империи. Она также служила моделью для ряда «Вычислительных школ», предназначенных для обучения детей российских дворян в принципах арифметики [14]. Кроме того, в образовательных реформах присутствовал и гуманитарный компонент. В 1703 г. Петр привез в Россию шведского лютеранского пастора Эрнста Глюка для того, чтобы организовать гуманитарную школу, в которой преподавался бы широкий набор европейских и древних языков и немного математика. Глюк умер в 1705 г., почти сразу же его школа прекратила существование, но попытки основать гуманитарный центр, базирующийся на моделях украинского гуманизма и иезуитских образовательных учреждений типа «Коллеж Ла-Флечи», продолжались [15].

Эта сеть технических, навигационных, военных, торговых и языковых школ продолжала существовать, будучи частью усилий Петра по уничтожению образовательной монополии православной церкви, чью власть он сильно ограничил в Духовном регламенте 1721 г. [16]. Одновременно с этим, образование стало неперенным условием для желающих стать приходскими священниками и использовалось государством в качестве механизма для уменьшения социальной мобильности и создания нового класса церковнослужителей [17]. Таким образом, первоначально образование было для Петра инструментом, способствовавшим социальной мобильности, но после того как новая социальная структура была утверждена, оно стало механизмом для создания нового порядка. Принуждение детей аристократии к поступлению в математические школы и способ, в рамках которого образовательные и служебные реформы были использованы для создания слоев внутри петровской элиты, показывают, что все это являлось частью более широкого петровского процесса классообразования [18]. Выяснение того, как образование вписалось в сходные

процессы, происходящие с аристократией, необходимо для понимания функционирования Академии в роли образовательного учреждения.

Образование было первой стадией на пути создания новой аристократии — черта, аналогия которой мы находим только в Берлинской академии. Вместе с тем исходная концепция образовательного учреждения в России была намного шире, чем ее прусский аналог. С момента опубликования «Проекта» Академии, бок о бок с ней был создан Университет — первый настоящий светский университет в России. Некоторые ранние историки Академии рассматривали саму Академию исключительно как образовательное учреждение [19]. Хотя это несомненно было существенным компонентом реформы, это неизбежно было только *частью* функций Академии. Если бы Петр хотел только основать университет он бы просто сделал это. Тем не менее университет был первостепенным элементом в проекте Академии. В начале своего существования она столкнулась с несколькими серьезными препятствиями при выполнении своих образовательных функций. Не было не только профессоров (из-за чего академикам приходилось совмещать их обязанности со своими), но и достаточно образованных людей среди населения, которые могли бы стать студентами. Каждый академик был обязан привести не менее двух собственных студентов (которым выплачивалась бы стипендия), чтобы таким образом набиралось достаточно людей для посещения университетских занятий. Критической являлась необходимость создать одновременно модели поведения и профессоров, и студентов. Христиан Вольф, когда с ним консультировались о том, как лучше основать Академию, настаивал, что для России будет гораздо больше пользы от основания университета, который станет производить индивидуумов, впоследствии пополняющих ряды академии [20]. Его совет был учтен только в том, что Академия была учреждена *с добавлением* к образовательной структуре университета. И он не остановился на университете. Петр также учредил средние школы и гимназию, все как вспомогательные учреждения. Академия была неотделима от университета вплоть до 1747 г., когда она наконец-то получила Регламент. С этого момента академики и профессора разделялись на отдельные категории.

Почему университет был так важен для Петра? В «Проекте» он совершенно определенно включил в юрисдикцию Академии не только науку, но и «искусство», в том числе технику. Идея заключалась не в том, чтобы обучать людей математике и естественным наукам для решения технических задач, поскольку таких школ было уже достаточно много в петровской России. Вместо этого основной университетский курс назывался «философия» и включал математику, физику, астрономию, риторику, логику и античную философию. Говоря

вкратце, в задачу университета входило распространение академического «цивилизующего процесса» вниз по социальной лестнице, но не до самого ее подножия. Необходимо отметить, что академический университет всегда был частью более масштабного проекта по созданию элиты, которая должна была служить в роли «публики», которой и адресовались образовательные предприятия Академии.

Официально не существовало никаких ограничений для поступления в академический университет; классовая терпимость распространялась на все свободные классы (исключались только крепостные крестьяне) и была типичной для петровских образовательных учреждений. Хотя обычно только представители потомственной аристократии (дворянства) зачислялись в подобные учреждения, петровское царствование было временем, обладавшим поразительным потенциалом социальной мобильности, поэтому для наиболее талантливых людей из состоятельных слоев населения существовала возможность войти в Табель о рангах (петровское бюрократическое нововведение, которое учреждало служебную иерархию, основанную на личных заслугах) и продвигаться вверх по общественной лестнице. В этом отношении университет был устроен несколько иначе: в нем не существовало никаких имущественных различий, и это отмечалось многими историками как движение в сторону «демократии». Это кажется наиболее необычным, учитывая то, что оно исходило от одного из наиболее автократических правителей, которых когда-либо видела Европа. Вероятно, в действительности Петр не хотел способствовать поступлению в университет крестьян, детей духовенства и купцов, несмотря на его жесты в поддержку социальной мобильности. Намного вероятнее, что в этот период распространение грамотности было ограничено и предназначалось аристократам, она всегда предназначалась для них, чтобы они могли играть доминирующую роль, и это не было ясно установлено, поскольку считалось само собой разумеющимся и поскольку Петр хотел, чтобы учреждение в конце концов выглядело бессловным. Новая элита должна была создаваться путем образования, но никто не предполагал афишировать этот факт.

Это же отражается в попытках Академии распространять знание за пределами университета на широкую «публику», незначительный слой образованной аристократии, поддерживавший петровские реформы. Основной объем этой работы выполнялся с помощью печати, что выглядело универсальным и демократичным, но жестко ограничивало знание, переданное очень небольшой группе грамотных людей. С 1727 г. Академия начала выпускать собственный журнал на латинском языке «Комментарии». Однако в его задачи не входило пропагандировать знания для русских, поскольку латинский язык не был общеизвестным в России. Латинская версия предназначалась

для создания «западного фасада» Академии как сообщества специалистов: фасада, обращенного к Парижу, Лондону и Берлину. Для народования работы Академии дома существовали переводы и аннотации, снабжавшие образованную Россию первыми детальными обращениями к проблемам причинности, гармонии и к другим философским вопросам. Из-за нехватки технических терминов в русском языке некоторые из этих ранних попыток кажутся современному читателю наивными. Большая часть отечественного научного языка создавалась как раз в этот период и для того чтобы управляться с каждой индивидуальной субдисциплиной, Петр сделал упор на специальных компетентных в области науки переводчиков, использовавшихся одновременно для создания аннотаций к «Комментариям» и для переводов западных технических работ. Несмотря на попытки привлечь читателя к аннотациям и переводам с помощью иллюстраций и тщательно продуманных пояснений, интерес к ним был низким. В основном главной философской аудиторией академиков оставалась заграница.

Однако дома они были заняты более глобальными усилиями на поприще просвещения. В этом отношении роль Академии как издательского центра была решающей. После того как закрылась первая российская газета «Ведомости» (издавалась в 1702—1727 гг.), являвшаяся по существу листком текущих новостей, Академии наук было поручено печатать пришедшую ей на смену крупнейшую «Петербургскую Газету» (Petersburg Gazette). Это дало им исключительную монополию на жизненно важное орудие европеизации. Передача этой обязанности Академии не была случайностью, она являлась существенным аспектом ее культурной миссии. В 1727 г. издательская привилегия была расширена, Академии было предоставлено исключительное право печатать все светские материалы в России, в основном ради увеличения источника доходов Академии. Ранее в том же столетии Петр ликвидировал монополию церкви на печатание книг, увеличил печатание светской литературы, а также ввел новую упрощенную орфографию, сделавшуюся отличительной особенностью светской печати, что привело к ее обособлению (в том числе и по внешнему виду) от религиозных изданий, сохранявших без изменений славянский шрифт. После введения в 1721 г. Духовного регламента, нанесшего сокрушительный удар по политической власти церкви, последняя потеряла большую часть своих возможностей по контролю за печатью, но, несмотря на это, она все еще могла попытаться осуществить контроль с помощью неформальных средств. Петр изменил роль, которую играла печать в системе государственной власти. Печать стала рассматриваться как главное средство просвещения. Помимо публикации объявлений и государственных указов, печать должна была обслуживать нужды Академии. Единственным

фактором, ограничивающим эффективность печати, было плохое распространение тиражей. Большая часть изданий оставалась в Санкт-Петербурге и Москве. Для петровского проекта европеизации этого было более чем достаточно, поскольку люди, наиболее важные для европеизации, были бюрократами (Петербург) и старой аристократией (Москва). После смерти Петра его наследники не были так сильно заинтересованы в печати и передали большую часть контроля над ней Академии (для светских материалов) и Священному синоду (для религиозных материалов). Но тем самым едва ли не вопреки своей воле, наследники Петра завершили его проект.

Популяризаторская, просвещенческая функция выполнялась также путем открытия для публики академической Библиотеки и музея Академии *Кунсткамеры*, изначально представлявших собой личные коллекции Петра. Широкая реклама этих двух объектов была исходным условием «Проекта» и со многих точек зрения являлась наиболее эффективным способом заинтересовать публику деятельностью Академии и таким образом подвергнуть ее влиянию культурной функции Академии. Вскоре после создания Академии, эти два учреждения были открыты для публики, а также приложены чрезвычайные усилия для привлечения зрителей. В 1741 г. был опубликован каталог Библиотеки, а попыток рекламы Кунсткамеры предпринималось множество. Материалы, хранящиеся в музее, были весьма интересны для посетителей. Апеллируя к распространенному интересу к монстрам и чудесам, Кунсткамера предьявляла посетителям такие экспонаты, как тело гермафродита и череп деформированного трехглазого карлика — все это выглядело наподобие раскрашенных картинок.

Создавая приятность: проект нравов

Образование стало способом для создания новых общественных слоев, но для того, чтобы заставить эти слои вести себя должным образом, необходим был другой путь. Предполагалось, что Академия наук станет выполнять обе миссии, демонстрируя вновь созданной элите должные манеры. Чтобы достичь этого, необходимо было познакомить друг с другом публику и Академию. Мы уже видели некоторые способы, с помощью которых это проделывалось в процессе реформы образования и через публикации. Но, кроме того, было необходимо показать публике *манеру* руководства наукой, ведение дел в науке, а не только знание, которое она производила. Единственная и наиболее важная попытка сделать это выразилась в серии общественных научных ассамблей, которые должны были проводиться три раза в год. Они служили двум целям: люди приобщались к взглядам натурфилософов в процессе церемонии, имевшей все элементы «игры», новой игры в чудеса, а это связывало церемонию с персональной санкцией царя. Возможное присутствие царя одновременно

даровало легитимность Академии и гарантировало в дальнейшем привлечение аристократии, надевавшейся присутствовать при подобных событиях. Хотя всем классам (и, что еще важнее, обоим полам) дозволялось присутствовать, аристократы должны были «свободно проходить перед низшими рангами на общественных ассамблеях, где собирается двор» [21]. Эта формулировка показывает, что подобные события считались важнее для аристократии, чем для более низких классов. Если восхваление правителя не было непривычным даже для западных академиков, то ясный приказ делать это, несомненно должен был показаться им странным.

Как образование имело точные параллели в других петровских реформах, так и эти общественные ассамблеи имели своих двойников в петровских реформах этикета. Протоколы этикета выполняют центральные функции в контексте многих дворов. Они не только определяют распорядок всего дня при дворе, но и, как показал Норберт Элиас, они отражают себе структуру всего иерархического устройства общества, которая без них оставалась бы невразумительной. Это означает, что если правитель стремится к изменению структуры жизни двора, он должен представить соответствующие изменения в протоколах этикета двора. Этикет является одновременно способом поддержания порядка при дворе и методом контроля за привилегированным сообществом [22]. Особенно для Петра Великого, активно пытавшегося не только адаптировать западные технические достижения, но также и западные культурные процедуры, изменение в иерархии и изменение в этикете должны были проводиться одновременно. Чтобы показать, что культурная роль Академии заключалась в игре, мы должны исследовать, каким образом в петровских реформах были связаны двор, аристократия и этикет.

Во время петровского царствования двор прошел через две качественно разные стадии. Когда Петр переместил двор из Московского Кремля в строящийся Санкт-Петербург и начал войну со Швецией, он забросил богатые ритуалы москвичей, окружавших дворцовую жизнь предыдущих поколений. Новый «скромный» двор Петра требовал на свое содержание всего шестьдесят тысяч рублей в год в противоположность сотням тысяч, необходимых его отцу. Петр начал превращать свой двор в западный двор, пресыщенный роскошью и церемониями, не ранее 1721 г., когда был заключен Ништадтский мир, окончивший войну со Швецией. Это было сделано частично для того, чтобы произвести впечатление на Западную Европу, частично чтобы угодить новой жене-немке и, наконец, для того, чтобы увеличить контроль над аристократией. Можно рассматривать эту трансформацию в связи с проявлением в России западной силы, но это уравнивает «западный» двор Петра с типичными для XVIII в. дворами Западной Европы. Петровский двор был западным только в том

смысле, что он был сконструирован по образцу ранних дворов барокко, существовавших в Италии конца XVI в. Он был сосредоточен на церемониях, эмблемах и панегириках, никогда не виданных в Западной Европе со времен золотого века Флоренции. Это «культурное временное отставание» связано с тем, что Россия получила дворцовую культуру из германских государств, которые сами отставали от Франции, Италии и Англии. Большая часть консультантов Петра вышла из Центральной Европы, так же как его жена и большинство академиков. Эти церемонии были центральными в процессе уничтожения традиционной роли двора в жизни России и создания новой. Эмблемы и символы преследовали Петра. Руководство для декодирования эмблем было одной из первых светских книг, напечатанных в России. Оно стало для Петра почти что настольной книгой. Эти книги хорошо продавались среди аристократии; практически нельзя было найти дворянина, не имевшего книги иностранных эмблем в переводе или оригинале. Академия была для Петра одновременно и эмблемой, и церемонией. Она, так же как фейерверки, очки и триумфальные арки, была продуктом влияний стиля барокко.

В течение этого периода в России считалось, что в задачи государства входит снабжение элиты образцами, моделями культурного поведения. Вся аристократия была вынуждена служить царю тем или иным способом — административным, военным или придворным, таким образом важнейшие культурные преобразования передавались через сеть служилой аристократии. Хотя Петр Великий во время активного периода своего царствования провел множество политических и военных реформ, его культурные реформы обычно воспринимаются как наиболее драматические и имевшие наиболее катастрофические последствия для старого русского стиля жизни.

Первый шаг, как это часто бывает, заключался в том, чтобы изменить видимость вещей. Из всех культурных реформ Петра наиболее обсуждаемыми и критикуемыми были реформы одежды и внешнего вида. Вскоре после возвращения из Великого Посольства Петр начал отрезать традиционные бороды старой аристократии и запрещать кафтаны, заменяя их западной одеждой, что было воспринято как бесстыдство старыми аристократами. Регламентировался даже внешний вид домов. Эти культурные изменения, иногда доходившие до бесчеловечного раздевания и насильного бритья представителей дворянства прямо посредине улицы, имели, конечно, и политические аспекты. Это публичное унижение и государственное вторжение уничтожили значительную часть власти старинных правящих семей. Но не стоит из-за этого упускать из вида собственно культурные цели. Даже в Морской академии для того, чтобы усовершенствовать осанку преподавались танцы, в надежде создать аристократа, который был бы одновременно и офицером и джентльменом.

Тем не менее изменение внешности было только частью реформ. Петр гораздо больше был озабочен тем, чтобы русские начали исполнять роль, которую он предназначил для них, а не только наблюдать за ней. Он предпринял серию реформ этикета, с целью превратить элиту в нечто, согласовывавшееся с его идеалом западного общества. Два особенных приема заслуживают отдельного исследования: справочники этикета и ассамблей. И те и другие функционировали благодаря принципу, проведенному Петром и через прочие его дворцовые реформы, а именно использование царя (или какой-либо другой фигуры) в качестве модели, *образца*, для подражания. Первая русская книга этикета, опубликованная в 1717 г., «Юности честное зерцало» содержала общие и частные западные правила этикета. Помимо всего прочего, она рекомендовала не есть с открытым ртом и не плевать во время разговора с дамой. Публичное нарушение любого из этих установлений могло повлечь за собой телесные наказания [23]. Отношение к ассамблеям было еще более серьезным. Их посещение было делом недобровольным. Аристократы, которые должны были присутствовать (это относилось даже к хозяину), иногда ставились в известность очень короткой запиской. Одной из наиболее важных характеристик ассамблей было их участие в повышении положения женщины в русском обществе. Поскольку общество Московии традиционно исключало женщин из общественной жизни, Петр превратил ассамблеи в некое подобие салонов, собраний, в которых женщины играли заглавную роль в общении и танцах. Вернемся теперь к ассамблеям, которые предписывалось проводить Академии наук. Так же, как обыкновенные ассамблеи были школой общественной благовоспитанности, научные ассамблеи были школами интеллектуального поведения. И так же как в других аналогичных случаях, присутствие Петра должно было широко анонсироваться и восхваляться.

Существует связь между цивилизационным процессом, который Петр проводил при дворе и в обществе и ролью, задуманной им для Академии наук. Тогда как в некоторых случаях, например в личном поведении, существовал только один *образец* сам царь, Академия должна была служить культурным образцом цивилизованных и ненасилованных взаимодействий среди индивидуумов, почерпнутых у людей, отобранных из числа членов наиболее цивилизованной группы, с которой когда-либо общался Петр — Республики наук. Вот почему он хотел сделать Академию как можно более открытой, не забывая при этом и о занятиях научной деятельностью. Если бы он сделал ее слишком открытой, то ученые никогда не смогли бы ничего создать, а это скомпрометировало бы статус Академии в Европе. Однако и слишком замкнутая Академия противоречила бы начертаниям Петра. Поэтому Академия была выведена за пределы Табели о рангах петровской системы ранжирования аристократии в служебной

иерархии и лишена статуса официальной государственной службы. Я считаю, что это происходило благодаря тому, что создание стереотипа восприятия академиков в роли слуг государства противоречило бы восприятию их как свободных интеллектуалов.

В широких кругах создание Академии было воспринято как атака на церковь и старую аристократическую культуру. Причины видения Академии как противовеса церкви очевидны, но без видения Академии как поставщика новых правил утонченного поведения невозможно вполне оценить, как она атаковала аристократию. Академия отражала общий курс на реструктуризацию дворцовой динамики. Она была индикатором глобальных культурных изменений и одновременно служила источником этих самых изменений. Третьей, проигравшей, стороной были низшие классы. В то время как элита становилась все более просвещенной, низшие классы становились все более невежественными. Огромное техническое развитие России нуждалось в большом количестве неквалифицированных рабочих рук, которые поставляли низшие классы. Хороший стиль должен был создаваться трудом, и источником этого труда были социальные низы.

Но, несмотря на это, проект мог удасться только при постепенном введении. В течение большей части царствования Петра статус аристократии и их имущества был неопределенным, поскольку Россия изменялась от патриархального государства к автократии, улучшая государственный аппарат. Статус аристократии стабилизировался только тогда, когда нормы этикета, заимствованные с Запада, вошли в силу. Аристократия узаконила реформы, приняв в них участие, и, в свою очередь, была узаконена путем этого участия. По тем же причинам, после принятия Устава 1747 года больше не было необходимости в объединении Академии, (связующего звена с Западом) с университетом (связующим звеном с внутрироссийской элитой). Протоколы были усвоены в такой степени, что два учреждения могли быть разъединены.

Выводы: Российское просвещение

В начале статьи я утверждал, что создание Санкт-Петербургской Академии наук в рамках петровских реформ некорректно рассматривать исключительно в свете практических выгод, которые хотел извлечь из нее Петр. Вместо того чтобы рассматривать Академию просто как часть его генеральных реформ, призванных раскрыть потенциал России, поместим ее на пересечении образовательных и поведенческих мероприятий, что обеспечит необходимую перспективу для понимания истоков Академии. Эта перспектива включает в себя придворные предложения Лейбница, саму структуру Академии, а также порядок первых контролируемых Академией диспутов и публикаций. Последующие размышления могут опираться на эти же наблюдения.

Например, в историографии известна дискуссия о том, подвергалась ли Россия воздействию Просвещения или нет, и если да, то, когда и какое это имело отношение к французскому просвещению. Переоценка роли Академии, предложенная в данной статье, позволяет взглянуть под новым углом зрения на такого рода старые дискуссии.

Стандартный взгляд на русское просвещение восходит к первой биографии Петра Великого, написанной Вольтером в 1764 г., в которой развернута более широкая панорама его деятельности по сравнению с известным жизнеописанием Петра, представленным Фонтенеллем в панегирике царю перед Парижской академией наук. Реформы Петра стали предметом широкого обсуждения во французском просвещении, причем спектр позиций колебался от практически не критично позитивных (Вольтер) до изобличительно негативных (Руссо). Вольтеровское понимание Петра Великого, включенное в двухтомную «Историю России», рисует его как стихийного реформатора, пришедшего в Россию в разгар средних веков и поведшего ее к цивилизации силой своей неукротимой воли. У вольтеровского Петра не было никакого генерального плана, никакой повестки дня, которую он собирался выполнить, ничего кроме стремления использовать предоставленные ему ресурсы для решения текущих проблем [24]. Петр сообщал движение и своему окружению, и своим людям для того, чтобы связать эти концы, но он не имел никакой рациональной программы. Этот взгляд на Петра сохранился вплоть до сегодняшнего дня [25].

Образ Петра, не имевшего никакого плана, принуждавшего среду и людей просто связывать концы с концами, является весьма убедительным, и многие факты его поддерживают. Тем не менее он несовместим с определением Петра как «просвещенного правителя». Подобные правители, как это принято считать, имели рациональную основу, которую они стремились претворить в жизнь в своих странах, используя принципы Просвещения для того, чтобы достигнуть Прогресса. Подобный взгляд на Петра, сконструированный Вольтером, заставил историков, занимающихся русским просвещением, периодизировать эту эпоху со времени царствования Екатерины Великой (1763–1796) [26]. Основываясь на рассуждениях, приведенных в данной статье, я утверждаю, что такая концепция неправильно истолковывает как самого Петра, так и Просвещение. Петр имел более детальный план, чем полагают многие; интеграция Академии наук в процесс образовательных и поведенческих реформ показывает это. Несомненно, попытки ее или его внедрять и использовать на практике идеи Просвещения, обычно это теоретические рекомендации французских философов, являются характеристикой просвещенного правителя. Таким образом Петр и его сподвижники были яркими представителями Просвещения. Подобный взгляд на Просвещение

предлагает альтернативное понимание Петра Великого как просвещенного правителя, и позволяет избежать готовых классификаций советских марксистов благодаря распознаванию неоднородности просвещения в России, так убедительно защищавшегося Марком Раеффом. Раефф считал, что русское просвещение было широчайшим заимствованием различных западных форм, в основном германских, основанное на практическом использовании, а не на эпистемологическом невнимании.

Такое понимание Петра вполне адекватно, но только частично. Он несомненно был заинтересован в получении практических прибылей для своей страны: это не может быть оспорено. Но, как упоминалось выше, в свое время проводились дискуссии: были ли реформы Петра результатом продуманного плана или реакцией на текущие нужды нации? Очень трудно найти какой-либо конкретный план в его реформах, его деятельность слишком неоднородна. Но это не значит, что не существовало элементов, составлявших часть плана-минимум внутри хаотических реформ, плана, целью которого было нечто большее, чем ясно видимый прагматизм. Академия наук была одним из таких «планов-минимумов». Она представляла собой интеграцию нескольких уровней реформ, целью которых было предоставление вновь созданной российской элите адаптированных правящим классом норм поведения и этикета, связанных с западно- и центральноевропейским образом государственности. Именно в подобных беспорядочных моментах царствования Петра можно увидеть истинную природу Петра Великого преобразователя и просветителя наравне с Лейбницем, ожидавшего времени, когда можно будет перемолоть культурный урожай с помощью вновь построенной мельницы.

Примечания и список литературы

1. De Careil F. Leibniz et Pierre-le-Grand. Paris, 1874. P.48–49.
2. Hübner E. Peter der Grobe: Auch Deutschland lag im Westen // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. München, 1988. S.80.
3. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом СПб., 1862. Т.1. С.32.
4. История Академии наук СССР. М., 1958. Т.1. С.44.
5. McClellan J.E. Science Reorganized: Scientific Societies in the Eighteenth Century. New York, 1985. P.76; Schulze L. The Russification of the St. Petersburg Academy Sciences and Arts in the Eighteenth Century // The British Journal for the History of Science, 1985. №18. P.335.
6. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С.206; см. также: Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий: середина XVII – середина XVIII вв. Л., 1974.
7. Schulze L. Указ. Соч. С.308; Пекарский П. История Императорской Академии наук. Т.1. С. XLIII–XLIV.
8. Например, см.: Calinger R. The First St. Petersburg Years (1727–1741) // Historia Mathematica, 1996. N.23. P.121–166.
9. MIAN. V.1. P.15.

10. MIAN. V.I. P.17; о взаимоотношениях между Императорской академией и Королевским обществом и другими европейскими академиями см.: *McClellan J.E.* Указ. Соч. С.156; 166–168.
11. См.: *Peter the Grate Changes Russia* / ed. *Marc Raeff*. Lexington, Massachusetts, 1972; *Schafly D.L.* The Popular Image of the West in Russia at the Time of Peter the Grate // *Russia and the World of the Eighteenth Century*. Columbus, 1986. P.221.
12. *Hans N.* Russian Students at Leyden in the 18th Century // *Slavonic and East European Review*, 1957. N.35. P.551–562; *Okenfuss M.J.* Russian Students in Europe in the Age of Peter the Grate // *The Eighteenth Century in Russia*. Oxford, 1973. P.131–145.
13. *Hans N.* The Russian Tradition in Education. London, 1963. P.67.
14. *Black J.L.* Citizens for the Fatherland: Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth-Century Russia. Boulder, 1979. P.24.
15. *Okenfuss M.J.* The Jesuit Origins of the Petrine Education // *Eighteenth Century...* P.106–130; *Okenfuss M.J.* The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden, 1995. P.15–16.
16. *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, 1963. P.34, 43–45.
17. *Freeze G.L.* The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth-Century. Cambridge, Massachusetts, 1977. P.218.
18. *Meehan-Waters B.* The Russian Aristocracy and the Reforms of Peter the Grate // *Canadian-American Slavic Studies*, 1974. N.8. P.288–302; *McClelland J.C.* Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago, 1979. P.6; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility, 1762–1785. Princeton, 1973.
19. *Пекарский П.* История Императорской академии наук... Т.1. С. XXVIII; *Okenfuss M.J.* Technical Training in Russia under Peter the Great // *History of Education Quarterly*, 1973. N.13. P.325–345.
20. *Пекарский П.* Указ. Соч. Т.1. С. LIX.
21. Цит. по: *Meehan-Waters B.* The Russian Aristocracy... P.289.
22. *Elias N.* The Court Society. New York, 1983. P.88, 139.
23. Юности честное зеркало, или Показание к житейской обходительности. СПб., 1717.
24. *Wilberger C.H.* Volter's Russia: Window on the East // *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century*. 1976. №164.
25. *Whittaker C.H.* The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia // *Slavic Review*, 1992. №51. P.77–98; *Riasanovsky N.V.* The Image of Peter the Grate in Russian History and Thought. Oxford, 1985.
26. *Dukes P.* The Russian Enlightenment // *The Enlightenment in National Context*. Cambridge, 1981. P.176–191.